

А. С. Харчевников

**«Я виноват в том, что поторопился сделать совершенное»:
архитектор А. П. Аплаксин и строительство церкви
Успения Божией Матери
на Волковском кладбище Санкт-Петербурга**

УДК 271.2-523-9(470.23-25)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_36
EDN СКСJCQ

Аннотация: 2022 год является юбилейным для Санкт-Петербургской епархии, так как в этом году исполняется 280 лет со дня ее основания. Одна из крупнейших епархий в начале XX столетия насчитывала 790 церквей и 1638 часовен и молитвенных домов, а в самом Петрограде (включая ближайшие пригороды, которые ныне входят в черту города) к 1915 г. размещалось 495 церквей. Жизнь епархии складывалась не только из деятельных забот правящего архиерея, Епархиального управления, священнослужителей, но и из трудов и попечений домов Божиих — храмов и тех благочестивых людей, которые молились в них. На протяжении почти 300-летней истории в епархии строились и открывались новые храмы, некоторые из них в советские годы были закрыты и переданы для других целей, а некоторые и вовсе были снесены и уничтожены. Статья посвящена церкви Успения Пресвятой Богородицы, возведенной на Волковском православном кладбище в начале XX столетия. Задуманная еще в 1901 г. небольшая, но изящная по своей форме церковь была возведена лишь к 1911 г. и освящена через семь лет. На основании архивных материалов автор пытается восстановить череду событий столь длительного строительства и освящения Успенского храма. В статье приводятся также уникальные факты биографии епархиального архитектора А. П. Аплаксина, который помимо упомянутой церкви спроектировал и другие церковные сооружения Северной столицы. Реконструируя историю одного петербургского храма, простоявшего менее 20 лет, автор надеется, что Успенская церковь навсегда останется в летописи Санкт-Петербургской епархии.

Ключевые слова: история XX века, Петроград, Санкт-Петербургская епархия, церковь Успения Пресвятой Богородицы, Волковское кладбище, епархиальный архитектор, А. П. Аплаксин.

Об авторе: **Алексей Сергеевич Харчевников**

Магистр педагогики, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: has2298@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8180-0426>

Для цитирования: Харчевников А. С. «Я виноват в том, что поторопился сделать совершенное»: архитектор А. П. Аплаксин и строительство церкви Успения Божией Матери на Волковском кладбище Санкт-Петербурга // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 36–47.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Alexey S. Kharchevnikov

**“I am to blame for rushing to do the perfect thing”:
Architect A.P. Aplaksin and the Construction of the Church
of the Dormition of the Mother of God
at the Volkovsky Cemetery in St. Petersburg**

UDK 271.2-523-9(470.23-25)
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_36
EDN CKCJQC

Abstract: 2022 is an anniversary year for the St. Petersburg Diocese, as this year marks the 280th anniversary of its foundation. One of the largest dioceses at the beginning of the 20th century, it numbered 790 churches and 1,638 chapels and prayer houses. In Petrograd itself (including the nearest suburbs, which are now part of the city) there were 495 churches by 1915. Of course, the life of the diocese consisted not only of the active concerns of the ruling bishop, the diocesan administration, the clergy, but also of the works and care of the houses of God – temples and those pious people who prayed in them. Throughout the 300 year history, new churches were built and opened in the diocese, some of which, during the sad Soviet years for the Church, were closed and transferred for other purposes, and some were demolished and destroyed altogether. Noting this or that event, I am eager to describe the previously unknown materials both about the churches of the St. Petersburg Diocese and about the people who took an active part in the church life of the city on the Neva. The article tells about the Church of the Dormition of the Blessed Virgin Mary, erected at the Volkovsky Orthodox cemetery at the beginning of the 20th century. Planned back in 1901, a small but elegant church in its form, it was erected only in 1911 and consecrated seven years later. Based on the archival materials, the author tries to reconstruct the sequence of events of such a long construction and consecration of the Dormition Church. The article also provides unique facts of the biography of the diocesan architect A. P. Aplaksin, who, in addition to the mentioned church, also designed other church buildings of the northern capital. Reconstructing the history of one St. Petersburg church that has lived for less than 20 years, the author of the article hopes that the Dormition Church will remain in the annals of the St. Petersburg Diocese forever.

Keywords: history of the 20th century, Petrograd, St. Petersburg Diocese, Church of the Dormition of the Blessed Virgin Mary, Volkovskoe cemetery, A. P. Aplaksin.

About the author: **Alexey Sergeevich Kharchevnikov**

Master of Pedagogy, postgraduate student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: has2298@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8180-0426>

For citation: Kharchevnikov A.S. “I am to blame for rushing to do the perfect thing”: Architect A. P. Aplaksin and the Construction of the Church of the Dormition of the Mother of God at the Volkovsky Cemetery in St. Petersburg. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 36–47.

Волковское православное кладбище было устроено и открыто при правлении Елизаветы Петровны по сенатскому указу от 11 мая 1756 г., в то же самое время, когда были открыты Иоанно-Богословское и Смоленское кладбища, и располагалось во 2-м участке Александрo-Невской части Петербурга, в конце Расстанной улицы. Непосредственно захоронения на кладбище начались в конце лета того же года.

Хотя в Сенатском указе значилось о немедленном открытии часовни на кладбище, Синод отложил исполнение данного предписания, пожелав, чтобы через некоторое время был построен храм.

К 1759 г. деревянный храм был сооружен и 3 декабря освящен в честь Спаса Нерукотворного образа. Ко времени освящения церкви в нее были определены священник, дьячок и пономарь [Вишняков, 1885, 2]. Церковь была очень холодная и фактически не приспособленная для служения в зимнее время, поэтому священно- и церковнослужителям приходилось совершать Божественную литургию и другие требы одетыми «в овчинных шубах и валеных сапогах, согревая руки в муфте, или над жаровнею» [Вишняков, 1885, 2]. В связи с этим, конечно, требовалось построить еще один храм.

К октябрю 1777 г. была возведена деревянная теплая церковь, которую освятили в память Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме. К сожалению, в самом начале 1782 г. церковь сгорела, а на ее месте был построен каменный храм. 13 сентября 1785 г. кладбищенскую церковь освятил митр. Гавриил (Петров), не изменяя предыдущего посвящения церкви в честь обновления Иерусалимского храма. Через восемь лет после освящения, в марте 1793 г., в главной церкви кладбища был устроен и освящен придел в честь Архистратига Гавриила. Несложно предположить, что придел этот назван в честь небесного покровителя митр. Гавриила, чтобы тем самым порадовать преосвященного владыку, однако в официальном прошении настоятеля храма Консистории на освящение придела говорилось: «Освятить означенный придел в такое именование, какого нет в Петербурге и к которому народ особое усердие имеет» [Вишняков, 1885, 8]. Уже к этому времени первая Спасская церковь была снесена, и в 1795 г. выстроена новая, которую также освятил митр. Гавриил.

В начале XIX в. число погребений на кладбище доходило до 5000 человек, тем самым отпеваний усопших совершалось иногда до 20 в день [Историко-статистические сведения, 1885, 49]. Люди не могли порой вместиться в сравнительно небольшой Воскресенский храм для прощания с усопшим, поэтому настоятель свящ. Николай Воцкий в 1809 г. обратился к митр. Амвросию (Подобедову) с просьбой «дозволить постройку каменного храма с двумя приделами, разрешить сбор, на это дело, добродетельных подаяний» [Историко-статистические сведения, 1885, 60]. Дело о постройке нового храма вместе с чертежом и планом, разработанными В. И. Беретти, было одобрено императором Александром I 26 мая 1810 г. Однако «добродетельных» жертвователей оказалось довольно мало. Лишь в 1837 г. митрополитом Новгородским, Санкт-Петербургским, Эстляндским и Финляндским Серафимом (Глаголевским) была совершена закладка нового трехпрестольного храма, проект которого переработал Ф. И. Руска, значительно уменьшив стоимость сооружения. К осени 1842 г. работы были завершены, и 15 ноября великое освящение главного храма Волковского кладбища совершил бывший экзарх Грузии, находившийся на покое в Александрo-Невской лавре, — митр. Иона (Васильевский) в сослужении еп. Венедикта (Григоровича), причта храма и духовенства епархии [Аладьин, 1847, 25].

К моменту постройки большого собора старая Спасская церковь стала совсем ветхой, поэтому на ее месте стараниями первого старосты Волковских церквей П. И. Пономарева был возведен новый храм, который планировалось посвятить Успению Божией Матери. 26 августа 1852 г. храм был достроен и освящен митр. Никанором (Клементьевским), но не в честь Успения Божией Матери, а в честь Всех святых, «чтобы Ангелы всех усопших призываемы были на месте их погребения» [Добронравин, 1853, 4], как отметил в своей проповеди в день освящения иерей Константин Добронравин (будущий епископ Псковский и Порховский Ермоген [Галкин, 2008,

653–654]). Так как в этой церкви была устроена усыпальница родных и близких старосты Пономарева, то церковь часто именовалась «Пономаревская».

В 1885 г. на Волковском кладбище стали воздвигать новый храм. На этот раз с просьбой о постройке новой церкви на месте погребения своего супруга к митр. Исидору (Никольскому) обратилась вдова купца первой гильдии И. М. Крюкова Параскева Михайловна вместе с сыновьями. Церковь в честь небесного покровителя Иова Михайловича — св. прав. Иова Многострадального — была построена и освящена митрополитом 28 октября 1887 г. (См.: (РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 1170. С. 1–6; Ф. 1293. Оп. 118. Д. 97. С. 1–8)).

Таким образом, к началу XX столетия на Волковском кладбище существовало четыре полноценных храма, в которых поочередно совершались богослужения.

Количество священно- и церковнослужителей с момента открытия кладбища постоянно увеличивалось, и к 1902 г. в клировой ведомости значилось, помимо настоятеля, еще 5 священников, 5 диаконов¹, 4 псаломщика и просфорня (ЦГИА СПб. Ф. 879. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–3).

Первые годы XX столетия ознаменованы новыми планами по постройке еще одной церкви на территории Волковского кладбища.

26 декабря 1898 г. умерла Анна Колобова, сестра потомственной почетной гражданки Т. В. Колобовой. Сама Татьяна Васильевна являлась вдовой табачного фабриканта П. В. Колобова. Купеческое семейство Колобовых известно с конца XVIII в., к середине XIX в. они входили в купеческую элиту столицы и в 1864 г. были возведены в сословие потомственных почетных граждан (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2225).

26 апреля 1901 г. Татьяна Васильевна обратилась в Хозяйственное управление при Святейшем Правительствующем Синоде с заявлением, в котором указала, что ее покойная сестра желала построить на Волковском кладбище, где были похоронены многие ее родственники, православный храм «с погребальными под ним склепами, куда и перенести прах ее родителей, братьев, сестер и других близких родных» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 10). Татьяна Васильевна решила исполнить волю почившей, присмотрев место для будущей церкви при въезде на Волковское кладбище с правой стороны, где имелась свободная площадка. Причт Волковских церквей возражений не имел, поэтому Т. В. Колобова сразу же анонсировала расходы, которые она готова понести: «83500 руб., 4% государственной рентой, с июньскими сего года купонами, в том числе 56500 руб. на постройку храма (каменного), 10000 руб. на покупку земли, 14000 руб. на содержание храма и 3000 руб. архитектору Шиллинг за наблюдением по постройке храма» (РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 1572. Л. 1). При этом Т. В. Колобова заявила, что означенный капитал должен храниться в Хозяйственном управлении при Святейшем Синоде для приращения его процентами до тех пор, пока он не возрастет до требующийся по смете суммы, в которую должны были включить, помимо самих трат на строительство, еще покупку церковной утвари и компенсацию за работу архитектора по наблюдению за строительством храма. Церковь, по представлениям строительницы, должна была быть каменной с центральным и с двумя дополнительными приделами и посвящена Успению Пресвятой Богородицы (РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 1572. Л. 1).

Заявление Т. В. Колобовой было рассмотрено как Хозяйственным управлением, так и митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским). 6 мая митр. Антоний просил Святейший Синод утвердить данное заявление Татьяны Васильевны на постройку церкви. 16 мая, после заседания Синода, была вынесена резолюция, в которой члены Синода просили синодального обер-прокурора, после рассмотрения Техническо-строительным комитетом Хозяйственного управления самого проекта и рапорта митрополита за № 3326, испросить соизволения государя императора на эту постройку (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 1). Одобрение императора было необходимо согласно Строительному уставу, в котором сообщалась воля монарха от 12 декабря

¹ Трое из диаконов состояли на вакансии псаломщиков.

1880 г., что «фасады церквей и молитвенных домов в городе С.-Петербурге представляются министром Внутренних дел» на одобрение Его Величества (Устав Строительный, 1911, 62).

Уже к этому времени местные газеты сообщали о постройке нового храма. Например, газета «Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства» от 17 мая 1901 г. помимо указания на сумму строительства в 83500 руб. также сообщала, что церковь будет трехпрестольная: главный престол — в честь Успения Пресвятой Богородицы, и «два других в честь святых — Феодосия Черниговского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Татьяны, Анны, Василия и друг.» (Новая церковь, 1901, № 105). Столь большой список святых, безусловно, связан с именами небесных покровителей самой заказчицы и ее родственников.

Для ознакомления проект и сопровождающие его документы были переданы главному архитектору Хозяйственного управления при Синоде В. А. Косякову, известному гражданскому архитектору, спроектировавшему не один храм в Российской империи. Василий Антонович написал положительный отзыв в Техническо-строительный комитет о постройке данного храма.

Комитет, основываясь на этом отзыве, не нашел препятствий к строительству, о чем сообщил обер-прокурору К. П. Победоносцеву. Константин Петрович вновь обратился к Святейшему Синоду о допуске проекта до соизволения императора. Синод на сессии 29 мая — 5 июня поддержал данное предложение. 8 июня К. П. Победоносцев под резолюцией императора Николая II, находившегося в то время в Петергофе, написал: «Собственно Его Величества рукой написано: Одобряю» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 6), о чем было сообщено обер-прокурором Святейшему Синоду на сессии 20–30 июня 1901 г.

Думается, что через несколько месяцев должно было бы начаться непосредственно строительство церкви, однако этого не произошло. Среди архивных материалов следующие упоминания о строительстве храма имеются лишь с февраля 1910 г.

Скорее всего, тот капитал, который некогда был отведен вдовой Т. В. Колобовой, уже не мог быть более увеличен за счет процентов, но был достаточен для начала строительства.

Однако архитектор А. Д. Шиллинг отказался производить работы за то вознаграждение, которое ему некогда было обещано строительницей.

Настоятель храма прот. Николай Вишняков² [Тихомиров, 2004, 613] обратился к епархиальному архитектору А. П. Аплаксину с просьбой о надзоре в деле строительства храма. Андрей Петрович согласился курировать данный проект, но при условии необходимых, с его точки зрения, «для прочности и благолепия постройки

² Прот. Николай Вишняков с 1869 г. являлся священником церкви Волковского кладбища. С 3 декабря 1893 г. до своей кончины, последовавшей 24 июня 1911 г., был настоятелем прихода. Помимо этого, прот. Николай нес множество церковных послушаний, в том числе и преподавание в Санкт-Петербургской духовной семинарии еврейского языка в течение 25 лет.

А. П. Аплаксин.
Фотография К. Буллы.
Санкт-Петербург

спроектированных им незначительных изменений в фасаде храма, с заменой деревянных частей каменно-бетонными, в устройстве могильных склепов и помещений для сторожей храма» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 24). Строительная комиссия не возражала относительно нововведений архитектора, однако указала, что всю организационную сторону данного вопроса по согласованию изменений предыдущего проекта со всеми необходимыми структурами А. П. Аплаксин должен будет взять на себя. Епархиальный архитектор уверил, что вопрос будет решен. На основании этого договора было заключено соглашение.

Хотя исследователь В. В. Антонов и высказывал мнение, согласно которому «Аплаксин сумел убедить жертвователницу, что первоначальный проект надо коренным образом переработать, приняв за образец новгородские храмы» (Антонов, 1993, 106), однако из последующих рапортов епархиального начальства совершенно очевидно, что к 1910 г. Татьяна Васильевна уже скончалась, так и не увидев не только воплощения задуманной церкви, но и начала ее строительства, и уж тем более она не имела представления, что храм будет построен по измененному проекту.

Первое ходатайство на изменение фасада храма было испрошено 29 апреля 1910 г. Однако оно было отклонено епархиальным начальством, которое не увидело серьезных оснований менять первоначальный проект. В мае было подано второе ходатайство, в котором указывалась мотивация изменения проекта, состоявшая в желании использовать плоды прогресса в области православного церковного зодчества и искусства, а также увеличить строительный капитал на 20 тыс. рублей, благодаря чему и можно создать храм «более стильный и прочный в архитектурном отношении» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 15). Сравнивая два проекта фасадов, первоначальный и измененный, Техническо-строительный комитет не нашел каких-либо преимуществ в новом проекте, а равно и других оснований для поддержания второго ходатайства, причем во внимание было принято два обстоятельства: с одной стороны, предыдущий проект был одобрен государем, с другой — этот проект был принят самой храмостроительницей.

3 мая 1911 г. временно управляющий Санкт-Петербургской епархией еп. Никандр (Феноменов) представил на благоусмотрение Святейшего Синода проект измененного фасада храма. И хотя до этого Техническо-строительной комиссией при Синоде в третий раз в изменениях проекта было отказано, однако дело все же передали на усмотрение Синода. Заседание Синода, прошедшее в сессию 28 июля — 9 августа 1911 г., приняло постановление № 5565 следующего содержания: «Обсудив обстоятельства настоящего дела, Святейший Синод... определяет: ходатайство это отклонить; о чем и послать Преосвященному Нарвскому для должных распоряжений, указ в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде передать выписку из сего определения» (РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Д. 2230. Л. 5).

Итак, исходя из постановления Синода, строительство должно было быть либо остановлено, либо продолжено исключительно по проекту архитектора Шиллинга.

Однако в марте 1912 г. Строительная комиссия по постройке Успенской церкви обратилась к митрополиту с заявлением, в котором указала, что:

1) Колобовский храм построен с незначительными изменениями в фасаде ранее утвержденного императором проекта, которые состоят в замене деревянных частей каменно-бетонными и устройстве могильных склепов и помещений для сторожей храма;

2) отделка завершена, и возможно провести освящение церкви.

31 марта митр. Антоний (Вадковский) по просьбе Строительной комиссии обратился в Синод с рапортом «об испрошении Высочайшего Соизволения на существование на Волковском кладбище храма, построенного на капитал Т. В. Колобовой, не согласно Высочайше одобренному проекту» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 20). Прежде вынесения Синодального решения этот вопрос был разработан Техническо-строительным комитетом Хозяйственного управления, который подчеркнул, что трижды было отказано в изменениях — как епархиальным начальством,

Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Волковском православном кладбище. Арх. А. П. Аплаксин. Проект западного фасада, 1910 г. ЦГИА СПб

Отец его состоял на службе в Военном ведомстве. Будущий архитектор сначала обучался в гимназии, затем, с 1898 по 1904 гг., — в Институте гражданских инженеров. В 1906 г. окончил Павловское военное училище. В звании подпоручика гвардии почислен в запас. «На государственную службу, — как писал в автобиографии сам архитектор, — я так и не поступил, так как не хотел быть архитектором-чиновником... но благодаря счастливой случайности мне была предложена частная работа по проекту Кашинского подворья на Выборгской стороне, куда я переехал и где начал свои самостоятельные выступления. Одновременно с тем я занимался архитектурно-художественной реставрацией» [Белоножкин, 2013, 249]. Первой самостоятельной работой, доверенной А. П. Аплаксину, стала реставрация Сампсониевского собора. Работы были выполнены хорошо, поэтому на Андрея Петровича обратили внимание. До 1914 г., года призвания его на военную службу, им было запроектировано, построенно и произведено 48 различных самостоятельных работ, в перечень которых входили не только церковные сооружения, но, к примеру, и санаторий, и больница, и школа с ремесленными мастерскими. Безусловно, в это число была включена и Успенская церковь, о постройке которой А. П. Аплаксина обязали подробно докладывать начальству во исполнение Синодального постановления.

В рапорте от 26 ноября 1912 г. Андрей Петрович указывает следующее:

«Когда покойный настоятель Волковской церкви протоиерей Николай Вишняков предложил мне построить храм, то я принял на себя исполнение сего предложения при условии построения храма по тому проекту, который лично создать был намерен, а не по проекту архитектора Шиллинга. Это намерение появилось у меня на основании следующих мотивов: проект Шиллинга, казалось мне, не отвечал на современное движение в области церковной архитектуры, стремящейся к воссозданию памятников по типу примитивов древнерусских храмов...» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 26).

так и Синодом. В конечном итоге последовало заключение, в котором комитет призвал признать постройку церкви на Волковском кладбище незаконною и «предложить епархиальному начальству войти в суждение о незаконных действиях членов Строительной комиссии по сооружению означенного храма и о возможности, в связи с сим, дальнейшего оставления архитектора Аплаксина занимаемой должности епархиального архитектора» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 20).

Данное заключение, а также рапорт митрополита были переданы в Синод, заседание которого проходило 13–24 июня 1912 г. В постановлении Синода № 6192 относительно данного вопроса было продублировано решение комитета, а также предписано указать в Синод, какие действия епархиальным начальством были приняты в отношении виновных (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 32).

В итоге храм оказался построен с нарушением высочайшей воли.

Прежде чем «выслушать» объяснения непосредственного участника данного дела, следует вспомнить некоторые факты его биографии.

Инженер Андрей Петрович Аплаксин родился 10 июня 1879 г. в Санкт-Петербурге.

Из этого признания мы видим: А. П. Аплаксин указывает, что изначально не соби-рался строить не по своему проекту. Андрей Петрович подчеркивает, что архитектур-ное искусство имеет свои оригинальные свойства и, подтверждая этот тезис, приводит в пример ту мысль, согласно которой если в музыке отличают композитора от испол-нителя, воздавая должное каждому из них, в живописи отличают автора от копииста, то в архитектуре понятия о составителе проекта и исполнителе его существуют не-сколько спутанные, поэтому и разделить их довольно трудно. При этом А. П. Аплаксин замечал: «Проект хорош, то венки неправильно возлагают на голову производителю работ и наоборот. Полное возмездие и справедливое только воздается автору и испол-нителю в то же время. И каждый архитектор, любящий искусство, с тяжелым чувством может взяться за исполнение чужого проекта: выйдет хорошо, скажут, не ты сочинил, выйдет плохо, скажут, зачем брался» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 26). Очевидно, по-этому епархиальный архитектор, не удовлетворенный существующим проектом, решил создать что-то свое, независимое от предыдущего проекта.

Однако А. П. Аплаксин совершенно «забыл», что проект Шиллинга одобрен им-ператором и, как признавался позже архитектор, он «эгоистически хотел личного утешения в реализации... мечтаний послужить родному искусству» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 26). В рапорте архитектор сетовал, что спроектировал более 20 храмов, которые никогда не повторяли друг друга, а в этот раз ему предложили старый проект, да еще и не его исполнения: «Я отказался наперед от вознаграждения за проект, что, несомненно, повлияло на местную Строительную Комиссию, вступи-вшую со мной в союз по проведению проекта в жизнь. Отказ консистории, отказ епископа Никандра не могли остановить моего желания построить храм по личному самостоятельному проекту» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 27).

Говоря о Строительной комиссии, А. П. Аплаксин действительно не лукавил. Помимо того что Андрей Петрович уверил комиссию, будто препятствий по утверж-дению измененного проекта не встретится со стороны начальства, комиссия пошла на данный шаг еще и по следующей причине. Дело в том, что комиссия не могла ждать столь долгого согласования на том основании, что за время устройства торгов цены на кирпич, бутовую плиту и на строительные работы не только превысили сметное исчисление более чем на 10%, но возрастали с каждым днем. Поэтому даже многие из приглашенных на торги солидных подрядчиков не желали приступить к работам и отказывались от них, «как, например, Седов, по ознакомлении со смет-ным исчислением стоимости постройки, прямо отказался участвовать в торгах, и ко-миссии оставалось поспешить с наивыгодной сдачей с торгов постройку храма, иначе предстояло отложить постройку храма на неопределенное время, до падения цен на строительные материалы и работ, чего нельзя было ожидать в скором времени...» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 25).

В связи с этим комиссия разрешила начать постройку храма до получения фор-мального согласия на изменения фасада. Причем А. П. Аплаксин заверил комиссию, что так как спроектированные им изменения в фасаде храма нисколько не касаются размеров постройки и внутреннего ее распорядка, означенных в плане арх. Шиллин-га, то он, в случае неутверждения ходатайства комиссии, может закончить постройку храма и согласно утвержденному проекту А. Д. Шиллинга. Сам же архитектор гово-рил, что Строительная комиссия верила, так же как и он, что его проект будет утвер-жден, и уверенность была настолько велика, что подрядчику вручили его проект, комиссией подписанный.

Итак, когда последовал отказ Синода на изменения проекта, постройка уже фак-тически была окончена. На столь серьезное нарушение воли императора Андрей Петрович говорил, что его проект храма не был признан лучшим и его не допустили до одобрения. Для него, как для чиновника и офицера гвардии запаса, было слишком ясно понятие о высочайшей воле, чтобы он осмелился дерзнуть сознательно ее нару-шить. «Ни по корысти, ни по злой воле или иным каким-либо дурным побуждениям задумал и выполнил я свой проект, а по искреннему убеждению, что делаю лучше, чем

Успенская церковь, 1913 г.
Фото ателье Буллы. ЦГАКФД СПб

Еще 14 ноября 1912 г. построенный Успенский храм приехали освидетельствовать, помимо председателя Строительной комиссии прот. Иоанна Соколова, приглашенные архитекторы: состоящий в распоряжении начальника Главного тюремного управления статский советник Николай Еремеев, техник III отделения Санкт-Петербургского градоначальства Николай Романченко и состоящий при Техническо-строительной комиссии Хозяйственного управления при Святейшем Синоде Виктор Боборов, а также местный благочинный прот. Павел Виноградов. На основании осмотра был составлен акт.

Среди прочего было сказано, что церковь возведена за 14 месяцев (1910–1911 гг.). Подрядчиком строительных работ явился Е. Ф. Астратов. Всего было израсходовано на строительство храма 65950 руб., что, по заключению комиссии, довольно дешево.

Хотя по проекту А. П. Аплаксина должна была быть выполнена наружная роспись храма способом *al fresco* на темы «Воскресения из мертвых», но эти работы не были исполнены, и внутренние стены стояли просто оштукатуренные. Внутри церкви, в подвале, имелось 96 склепов, помещения для сторожей и истопников, а также две calorиферные печи; в первом этаже стены и своды хотя были оштукатурены, но не имели росписи.

Храм был трехпрестольный, каждый из приделов имел свой деревянный иконостас и прочие необходимые элементы. Церковь освещалась с помощью электричества посредством трех паникадил и настенных бра.

Осмотрев все помещения и сам храм, комиссия оценила постройку как удовлетворительную, однако усмотрела, что «в арках, отходящих от пилонов к наружным стенам, имеются волосяные трещины с наклоном к пилонам» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 29), поэтому заключила, что должно производиться неукоснительное

то, к чему приглашен был. Пуше всего я виноват в том, что поторопился сделать совершенное. <...> Я прошу Санкт-Петербургскую Духовную консисторию поверить тому, что я совершил поступок неожиданно для самого себя, без всякого умысла, втайне надеясь отличиться и заслужить благодарность от начальства, которое, вместо того, обременил большой заботой, в чем и приношу свои искренние извинения» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 27).

Непосредственно в конце рапорта еп. Никандр просил ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разрешении не привлекать к ответственности за постройку церкви не по высочайше одобренному плану ни строительную комиссию, ни архитектора Аплаксина и оставить последнего на службе в должности епархиального архитектора, «строго внушив ему на будущее время в отпращивании сей должности неуклонно исполнять существующие законы и правила» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 29).

наблюдение первые три-четыре года за этими трещинами, с установкой маяков и прочего, со стороны производителя работ или лиц Технического надзора.

На данный рапорт Хозяйственное управление при Синоде уведомило консисторию, что Техническо-строительный комитет при Святейшем Синоде, рассмотрев дело о постройке на Волковском православном кладбище храма, «не нашел чертежи на эту постройку достаточно выясняющими вопрос о постройке означенного храма с технической стороны, а равно и вопрос об отступлениях от первоначального, надлежаще утвержденного проекта, и впоследствии сего, по журналу от 22–25 апреля 1913 г. № 119, постановил: просить о доставлении точных и соответствующих натуре чертежей, вполне выясняющих устройство храма, с добавлением расчета устойчивости частей, а также прочих чертежей, относящихся к первоначальному проекту» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 43–44).

Данные документы были отправлены в соответствующее управление. Однако, когда они поступили обратно, в январе 1915 г., Хозяйственное управление при Синоде «просило Консисторию доставить в управление планы и разрезы означенного храма, необходимые для сравнения с первоначальным проектом Шиллинга для рассмотрения расчета устойчивости и прочности, о чем и было дано знать указом Консистории строительной комиссии на предмет представления необходимых чертежей и сведений» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 43–44).

Настоятель храма представил планы Колобовской церкви, расчет его устройства и архитектурно-техническое освидетельствование по проектам А. Д. Шиллинга и А. П. Аплаксина без пополнения комплекта плана разрезами, составленными архитектором А. П. Аплаксиным, так как последний был призван в действующую армию. Действительно, в 1914 г. А. П. Аплаксин был призван на военную службу, но не отправлен на фронт, а оставлен в Петрограде, при Управлении военных сообщений. Как пишет архитектор в автобиографии, «служил сначала очень слабо, так как мне не мешали заниматься по своей профессии, а потом стали затягивать в работу, и здесь начался новый сдвиг в моей жизни. Я должен был постепенно изучать железнодорожное транспортное дело и железнодорожное строительство... В октябрьские дни я оказался единственным офицером штата, не ушедшим с своего поста, что было учтено новой властью, и при переформировании старой армии в Красную я был назначен первым начальником военных сообщений Красной армии» [Белоножкин, 2013, 250].

Таким образом, дело вновь остановилось, так как Технический комитет опять просил предоставить чертежи (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 44).

28 марта 1917 г. прот. Иоанн Соколов обратился к еп. Вениамину (Казанскому), временно управляющему Петроградской епархией, с просьбой об «исходатайствовании разрешения в техническом отношении к освящению трехпрестольного храма» (РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 940. Л. 42). Епископ Вениамин по этому поводу составил рапорт 17 апреля 1917 г., обратившись к обер-прокурору В. Н. Львову. Однако, отвечая на запрос обер-прокурора, Технический комитет не разрешил совершить освящение, пока не будут представлены необходимые чертежи.

14 (27) июля 1918 г., согласно устному распоряжению митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, прот. Николай Писаревский сопровождал архитектора К. В. Маковского, который приехал инспектировать храм и составить акт осмотра. На основании произведенного осмотра был составлен акт, в котором говорилось, что каменная Успенская церковь, «на подвалах», трехпрядельная и имеет на плане форму квадрата (равноконечного креста), с алтарной апсидой, ризницей, с хорами и с двумя папертями, которые предназначены для входа молящихся с западной и с северной стороны, «в виде закрытых порталов с фронтонами»; для духовенства имеется в храме отдельный вход в алтарь. Построена церковь Успения Пресвятой Богородицы из кирпича, снаружи и внутри оштукатурена, а внутри выбелена; кроме того, снаружи храм также окрашен клеевой краской в два колера: белый и желтый. Покрыта церковь четырехскатной железной крышей, которая окрашена масляной краской зеленого цвета. Увенчан Успенский храм главой на барабанах с оконными

отверстиями, четырьмя декоративными главками, а также двумя декоративными главками как на алтарной апсиде, так и на западном портале; цоколь церкви обложен обтесанным гранитом, входные ступени также гранитные. В подвалах храма положен бетонный пол, в жилых помещениях — пол дощатый, стены подвалов окрашены масляной краской (ЦГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 368. Л. 3). Все вышеперечисленное не могло не производить впечатление складно выстроенного здания, для которого были использованы материалы довольно хорошего качества. Построен Успенский храм, как значилось в акте осмотра архитектора К. В. Маковского, «в модернизированном русском стиле владими́ро-суздальской эпохи по проекту гражданского инженера А. П. Аплаксина и плану, утвержденному к постройке проекта архитектора Шиллинга» (ЦГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 368. Л. 3).

Конечно, инспектируя храмовое строение, архитектор выявил и различные недостатки. Относительно же трещин К. В. Маковский отметил, что с осмотра 1913 г. они не увеличивались и поэтому никакой опасности не представляют. В конце акта осмотра К. В. Маковский заключил: «После подробного осмотра церкви нахожу, что к допущению в церкви молящихся, к освящению ее и к отправлению в ней службы с технической стороны препятствий не встречается» (ЦГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 368. Л. 4).

Протоиерей Николай Писаревский, донося митр. Вениамину о результатах инспекции, отметил в отчете от 21 (3) июля 1918 г., что осмотр произведен самым тщательным образом и что архитектор-художник К. В. Маковский, осматривавший церковь «еще и ранее при страховке ее и снимавший план с церкви, не только не скрыл дефектов ее при постройке, но даже отменил, и все же не нашел оснований, препятствующих освящению» (ЦГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 368. Л. 1).

После одобрения всех инстанций митр. Вениамин (Казанский) свою резолюцией от 3 (16) августа 1918 г. за № 4478 благословил совершить освящение Успенской церкви, указав при этом, что в ней и так уже несколько лет совершаются богослужения. Освящение, вероятно, совершил прот. Василий Акимов, которому была направлена резолюция митр. Вениамина, в сослужении духовенства Волковского кладбища.

Итак, задуманная в 1901 г., построенная к 1910 г. и освященная лишь к 1918 г. церковь Успения Божией Матери могла бы радовать своей изящностью и оригинальностью в продолжение долгих лет многих благочестивых людей.

Однако в 1929 г. по постановлению советского правительства она была снесена, как и многие другие храмы Северной столицы.

Источники и литература

Источники

1. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 182. Д. 1572; Оп. 166. Д. 1170; Оп. 192. Д. 2230; Ф. 799. Оп. 25. Д. 940; Ф. 1293. Оп. 118. Д. 97; Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2225.

2. ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 678. Оп. 1. Д. 368; Ф. 879. Оп. 1. Д. 96.

Литература

3. Аладьин (1847) — *Аладьин Е. В.* Православное Волковское кладбище. СПб., 1847. 44 с.

4. Антонов (1993) — *Антонов В. В.* Архитектура кладбищенских церквей // «Исторические кладбища Петербурга» / Под ред. А. В. Кобака и Ю. М. Пирютко. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. 797 с.

5. Белоножкин (2013) — *Белоножкин А. Е.* Санкт-Петербургский архитектор А. П. Аплаксин. СПб.: Невский мир, Лики России, 2013. 384 с.
6. Вишняков (1885) — *Вишняков Н., прот.* Историко-статистическое описание Волковско-православного кладбища. СПб., 1885. 115 с.
7. Галкин (2008) — *Галкин А. К.* Ермоген // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. С. 653–654.
8. Добронравин (1853) — *Добронравин К., священник.* Слово на день освящения церкви во имя всех святых, устроенной на Волковском Православном кладбище иждивением Коллежского Советника и Кавалера Прокопия Ивановича Пономарева СПб.: И. Глазунова и К°, 1853. 12 с.
9. Историко-статистические сведения (1885) — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1885. Т. 10. 200 с., приложение.
10. Новая церковь (1901) — Новая церковь // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1901. 17 мая. № 105.
11. Тихомиров (2004) — *Тихомиров Б. А.* Вишняков Николай Петрович, прот. // Православная Энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 612–613.
12. Шкаровский (1995) — *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат (1917–1945 гг.). СПб., 1995. 208 с.